

Говорят, что я родилась в рубашке, а это значит, что мне не суждено погибнуть от несчастного случая. И действительно, вспоминая прошлое, с ужасом обнаруживаю, сколько раз со мной могло случиться несчастье, но словно некая высшая сила хранила меня, а я легкомысленно не придавала этому ни малейшего значения.

Один раз спасительницей не только моей, но и маминной жизни стала обыкновенная заморенная колхозная лошадь.

Дело было в конце Великой Отечественной. Почти всё военное лихолетье мы с матерью и старшим братом прожили в маленькой костромской деревушке, у бабушки с дедушкой. Небо над нами было чистое, мы не слышали грохота снарядов и рёва вражеских самолётов, но голода, боли от потери воевавших на фронте родных людей, тяжкого труда хватило и на долю моих односельчан. Всё, что можно было, деревня отдавала фронту. И лошадей колхозных — тех, что покрепче — тоже отправили на фронт, остались только больные да слабосильные.

А деревня питалась гнилой оставшейся на полях картошкой, хлебом напополам с куколем (сухой шелухой от обмолоченных головок льна, больно царапавшей кишечник), и тем съедобным и не очень, что только начинало расти на лугах и в лесу. При этом все, в том числе и дети, работали без отдыха и на колхозных полях, и на лесоповале, и на лесном сплаве. Весной от безысходности женщинам приходилось даже пахать на себе, в лучшем случае на быках да на коровах.

Деревушка наша находилась в 45 километрах от районного центра, где мы жили до войны. Добраться до него можно было лишь по разбитой, ухабистой просёлочной дороге, которая после сильных дождей и в распутицу становилась непроезжей. Хороший санный путь был только зимой, до начала оттепели. Вот по этому крепкому санному пути мама со старшим братом, которому осенью предстояло пойти в четвёртый класс, вовремя перебрались в город, где она уже устроилась на работу. С моим же переездом дело почему-то затянулось, хотя мне тоже предстояло осенью пойти в школу, в первый класс. Почему так случилось, теперь уже спрашивать не у кого.

А тем временем началось весенняя распутица. Дороги развезло. Но главное, наш районный городок находился от деревни по другую сторону реки, и надо было успеть перебраться через неё до ледохода.

В организации, где мама работала, ей выделили тощую лошадедку, и она смело, рискуя оказаться отрезанной от города в случае ледохода, отправилась за мной. Дорог был каждый час. Дала ли мама передохнуть бедной лошадедке или, отмахав 45 километров в одну сторону, тут же отправилась обратно, не знаю. Только когда глубокой ночью мы подъехали к реке, на другой стороне которой светился огоньками наш городок, оказалось, что поверхность льда уже была покрыта слоем текущей воды. Но ещё виднелся пересекающий реку в этом месте санный путь.

Что делать? Возвращаться назад, в ближайшую прибрежную деревню, и ждать, когда пройдёт ледоход, потом схлынет половодье и установится паромная переправа, мама не могла. Время было военное. За прогулы можно было схлопотать даже тюремный срок. Да и кто ждал нас вместе с нашей лошадедкой в той деревне? Все сами жили впроголодь.

Надо сказать, что мама моя была человеком отчаянной, рискованной смелости, и этот случай — не единственное тому подтверждение. Словом, она решительно направила лошадь к реке. Та послушно ступила на скользкий, покрытый водой лёд и, осторожно нащупывая каждый свой шаг, медленно двинулась вперёд.

Примерно до середины реки всё шло вроде бы гладко. Но вот вода стала заливать сани. Сначала я, сидя на скамейке, подоб-

Аида БОРИСКИНА

рассказ

Господи, благослови лошадей!

рала ноги, потом взобралась на спинку саней, а вода подступала всё выше. Но мне не было страшно. Такова особенность детской психики: когда рядом кто-то из родителей, ребёнок чувствует себя в безопасности.

Но вдруг мама скомандовала лошади: «Тпру! Стоять!» — и, выскочив из саней прямо в воду, которая здесь доходила ей чуть ли не до пояса, кинулась куда-то в темноту, вниз по течению. На ходу она крикнула что-то, но я не разобрала. Вскоре мама совсем пропала из виду.

Лошадь с места не тронулась, послушно оставаясь стоять в ледяной воде. По моему теперешнему глубочайшему убеждению, она всё понимала. А я, оказавшись совсем одна посреди тёмной реки в полной неизвестности, не понимала ничего и совсем растерялась. Где мама? Почему она бросила меня? Вернётся ли?

Судорожно вплепавшись в спинку саней и напряжённо вглядываясь и вслушиваясь в темноту, в которой скрылась мама, я пыталась позвать её, но онемевшие от страха губы смогли издать только сдавленный шёпот:

— Ма-а-а!

Но вот послышался плеск воды и вскоре мама с каким-то грузом в руках тяжело перевалилась через борт саней.

— Всё в порядке, всё будет хорошо! — сказала она мне и, натянув вожжи, скомандовала лошади: — Но-о!

Я так и не поняла ничего. Меня просто переполняла радость от вернувшегося ощущения безопасности.

Лишь потом, с возрастом, я выяснила, что случилось. Оказывается, мать, не раздумывая ни секунды, бросилась догонять выплывший из саней под напором воды и отправившийся вниз по течению фанерный чемоданчик с документами своего сослуживца-агронома, которые он попросил привезти ему с оказией из сельсовета. А может, это меня везли с оказией, теперь уже не узнаешь. Однако до сих пор мне кажется чудом, как матери в почти полной темноте

удалось разглядеть и догнать этот злосчастный чемоданчик, как она не угодила при этом в полынью, не поскользнулась. А встать по пояс в воде на льду без опоры было бы не так-то просто. Так что везучей была моя храбрая мама!

Впрочем, и вся наша переправа была воистину чудом. Ведь вокруг не было ни одного свидетеля, который мог бы нас увидеть и позвать на помощь в случае беды.

Получив команду отправляться, лошадка двинулась вперёд ещё медленнее, с ещё большей осторожностью. Теперь до спасительного светящегося огоньками берега оставалось совсем немного. Но что там, на последних метрах пути, у береговой кромки? Ледяное крошево? Полынья? Мелководье? Мать не стала понукать лошадь. Она даже отпустила вожжи, полностью доверившись животному инстинкту. И лошадь, умница, не подвела нас. Ещё чуть-чуть — и она вывезла наши сани на пологий берег.

Потом был очень крутой подъём на высокую гору, на которой, во избежание ущерба от наводнений, разумно располагался наш старинный городок, и наконец, мы въехали во двор организации, где работала мама, — там находилась и конюшня.

А на следующий день начался ледоход. Я со своими новыми подружками бегала к реке смотреть на это. От нашего санного пути не осталось и следа. Лёд вспучился и раскололся на большие и маленькие кусочки, которые то громоздились друг на друга, образуя заторы, то стремительно неслись вниз по течению. Всё прибиваемая вода широко разливалась по окрестным лугам, затапливая их. А к обрывистому берегу, на котором располагался наш городок, даже подойти было страшно. Тёмная вода подступала всё выше и выше, образовывались водовороты, плыли щепки, ветки, брёвна, а то и целые деревья.

Про лошадь я тут же забыла. Всё перебили впечатления от новой жизни. Вспомнила я эту историю лишь тогда, когда матери моей уже перевалило за девяносто. И вот

какая драма — другого слова не сыщешь — открылась мне.

Оказывается, лошадь везла нас из своих последних сил, буквально умирая. Вернувшись, она зашла в своё стойло, легла и больше уже не встала.

Отчего так случилось? Быть может, по недосмотру? Укрыл ли её кто-нибудь попоной, дал ли клок сена? Может, напилась она ледяной речной водой и застудилась, а от этого случается так называемый «запал» и лошадь погибает. Не знаю. Известно только, что мать должны были отдать под суд за гибель лошади. Спасло её лишь то, что при вскрытии у лошади обнаружили во внутренних органах не то большой нарыв, не то опухоль. Но свою задачу служения человеку она выполняла изо всех сил, до последнего мгновения своей лошадиной жизни.

И теперь, когда настало для меня время воспоминаний, я иногда просыпаюсь посреди ночи. Передо мной отчётливо, словно это было вчера, возникают события той переправы. Вспоминаю нашу бедную лошадь-спасительницу и обливаюсь горячими слезами. Как хотелось бы мне погладить её по бархатной морде, заглянуть в космической, бездонной глубины глаза, дать какое-нибудь нехитрое лакомство.

Увы! Прошлое не вернётся. Но во имя этой лошади, во имя бесчисленного множества других, страдавших, подобно ей, творю я свою беззвучную молитву:

«Господи! Благослови лошадей — самых страдающих из посланных Тобой в услужение человеку животных! Храни их от холода, от зноя, от жажды, от страшных болей. Дай им силы выполнять для человека самую тяжкую, самую неподъёмную работу, а главное, защити их от чёрной неблагодарности, злобы, несправедливости и жестокости людской. И дозволь им, Господи, хотя бы после смерти, хотя бы на короткое время познать райское отдохновение на твоих небесных пастбищах. Аминь».

Пусть это не каноническая молитва, но я верю, что Господь её слышит.